

Письмо Марии Мироновой

Дорогая Мария Владимировна!

Позвольте признаться в любви к вам... Да, именно это я и хотел сказать во всеуслышание, через газету. Думаю, что это не покажется странным. Ведь печатаем же мы объявления о разводах, делая всеобщим достоянием эти «кляксы» нашего быта и приучив читающую публику ежедневно изучать сей актуальный материал.... Так почему же нельзя поместить на газетной странице слова любви?..

Ну как не полюбить актрису, которую знаешь так давно, голос которой сразу узнаешь в эфире, видеть которую — удовольствие! Но главное — актриса эта владеет в совершенстве труднейшим искусством гражданской сатиры. С редкой, достойной уважения последовательностью боретесь вы, Мария Владимировна, против всего отсталого, вредного, чуждого нашей жизни. А ведь нелегко, наверно, найти хорошую пьесу, интермедию, чтобы было где поиграть и сказать остроумное, нужное слово.

Но сейчас, думается, Вл. Дыховичный и М. Слободской написали для вас и ваших коллег удачное обозрение, режиссер Д. Тункель с настроением поставил его, и «Кляксы», с успехом прошедшие на столичной эстраде, сегодня — у нас.

Ваше представление открыто тенденциозно. Врагов своих вы знаете хорошо и помогаете нам разглядеть их получше через увеличительное стекло сатиры. Да, в летописи нашего замечательного времени появляются все новые и новые яркие, красивые страницы, но чья-то холодная, нечистая рука нет-нет, да поставит отвратительные жирные кляксы. И вот эти кляксы стяжательства, туеядства, взяточничества, склоки освещены ярким светом рамп, и идет с ними бой.

А мы, сидящие в зале, конечно же, не можем оставаться равнодушными. Наши аплодисменты — это поддержка вам, это голос общего народного фронта борьбы против недостатков.

Вместо рецензии

Извините, Мария Владимировна, но, помнится, в прошлом, когда создавался так неразрывно связанный с вашим репертуаром облик мещанки, посторонней в нашей жизни женщины, это нередко были вариации одного и того же образа и подавались они не всегда разнообразно, но зато бравурно: знайте, дескать, Миронову! А сегодня нельзя не восхищаться, глядя на благородную зрелость мастера, владеющего искусством перевоплощения.

Вот скромная ваша домашняя хозяйка, простая женщина, «душа населения». Тут вас сразу и не узнаешь — не только вид, но и манера речи другая — мягкая, задушевная. Патриотическим теплом согрет этот искренний разговор о радостных приметах нашей жизни и о том, чего еще нет, о неполадках, неустроенности быта, помехах. И весь он пронизан ожиданием, верой в семилетку, в будущее. Чудесный образ.

И рядом — в сцене «Истраченные грезы» — такой типичный курортный врач, женщина в белом халате и шапочке, с расслабленной походкой и трясутся руками.

Взгляд ее из-под очков и привычные докторские интонации вначале кажутся заботливыми, но на самом деле они механически безразличны, равнодушны, и большой для нее — лишь отдыхающая человекединица. Но проходит минута, и на сцену является девица «а ля колдунья» с белесой гривой в ядовито-зеленом платье, с «шикарной» речью, с ухарским кряканьем после выпитой стопочки — квинт-эссенция мещанства и туеядства. Опять новый, законченный характер.

А когда началась «Современная кадровая кадрили» — злая сатирическая сценка с танцами о тех бездельниках, что «стояли у кормила и кормило их кормило», и вы так легко, так непринужденно, изящно пошли

в кадрили по сцене, а в «Отчетно-массовом танце» блеснули недюжинным темпераментом, то я, пишущий, грешным делом об оперетте сразу подумал: вот бы Миронову на опереточную сцену, вот бы она там показала!

Нельзя не воздать должного и вашему товарищам по спектаклю — неизменному и верному Александру Менакеру с подлинно артистической интеллигентностью ведущему программу, и Афанасию Белову, который здесь никак не «третий лишний». Талантливый актер, он играет все в своеобразной, мягкой манере и, словно бы и не желая смешить, смешит очень, да и высмеивает крепко — чего стоит созданная им фигура перестраховщика с этим жестом руки, утверждающим нечто в пустоте.

Но — пора... Уже видится мне такой недовольный этим письмом гражданин. Кругом жара, веет тополиный пух и дремлют жители с бидонами у желтых квасовых цистерн... А он, мятежный, застегнут наглухо и подобно типу, изображенному Беловым, изрекает гнусаво: «Товарыщ, товарищ, привыкли, видеть, хвалить. И тут все хвалите, Миронову и других с ею там... А надо бы обожждать, обдумать, можно ли, не перехвалить бы...».

А почему бы и не похвалить? То, что в самом деле хорошо? Ведь как ни говори, а Миронова одна такая на нашей эстраде. Нет хуже, когда рецензенты пользуются табелем оценок. Но позвольте прибегнуть здесь к осужденному методу. Предмет: сатирическое представление «Кляксы». Задача: высмеять на уничтожение. Оценка: урок гражданского воспитания выполнен на 5.

Вот и все письмо. Примите, Мария Владимировна, мое признание как приложение к ежевечерним аплодисментам переполненного зала. Не сомневаюсь, что они побуждают вас к новым, еще более значительным работам.

Привет вашим товарищам. Будьте счастливы и — творите!

Борис КОГАН.